

Конопницкая Мария Юзефовна

**История о гномах и о сиротке
Марисе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Юзефовна К.**
История о гномах и о сиротке Марисе / Конопницкая Мария Юзефовна – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 202 с.

ISBN 978-5-519-90186-4

ISBN 978-5-519-90186-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Какъ придворный лѣтописецъ короля Огонька rozpoзнавалъ весну.

I.

Зима была такъ тяжела и длинна, что всемилостивый Огонекъ, король гномовъ, примерзъ къ своему трону. Сѣдая его голова сдѣлалась серебряною отъ инея, у бороды висѣли ледяныя сосульки, брови казались грозными и свирѣпыми; въ коронѣ, вмѣсто жемчужинъ искрились капли замерзшей росы, а паръ отъ дыханія осѣдалъ снѣгомъ на кристалльных стѣнахъ его горной пещеры. Вѣрные подданные короля, юркіе гномы, кутались, какъ могли, въ свои красныя плащи и нахлобучивали большіе капюшоны. Многіе изъ нихъ соорудили себѣ шубы и тулупы изъ зеленыхъ и коричневыхъ мховъ, собранныхъ въ лѣсу еще осенью, изъ еловыхъ шишекъ, изъ древесной коры, изъ бѣличьяго пуха, и даже изъ перышекъ, которыя обронили птицы, когда летѣли за море.

Но король Огонекъ не могъ одѣваться такъ бѣдно и такъ просто. Зимой и лѣтомъ онъ долженъ былъ носить пурпурную одежду, которая такъ долго служила королямъ гномовъ, что была уже порядочно потерта, и вѣтеръ свободно проходилъ черезъ нее. Положимъ, эта одежда, даже въ то время, когда была нова, не отличалась особенной теплою, — сотканная изъ паутины тѣхъ красныхъ паучковъ, что весною снуютъ по грядкамъ, она толщиною своею не превосходила маковаго лепестка.

И вотъ бѣдный королекъ страшно дрожалъ, постоянно отогрѣвая дыханіемъ свои руки, которыя такъ заоченѣли, что онъ даже и скипетра удержать въ нихъ не могъ.

Извѣстно всѣмъ, что въ кристалльномъ дворцѣ огня зажигать нельзя. Какъ такъ? Все потрескалось бы, — и полы, и стѣны.

Вотъ и грѣлся король Огонекъ при блескѣ золота и серебра, при лучахъ брилліантовъ, величиною въ яйцо жаворонка, при радугахъ, которыя лучъ дневнаго свѣта зажигалъ въ кристалльных стѣнахъ тронной залы, при искрахъ, сыплющихся отъ длинныхъ мечей, которыми размахивали гномы, какъ по прирожденной храбрости, такъ и для того, чтобъ отогрѣться. Тѣмъ не менѣе, тепла отъ всего этого было очень мало, такъ мало, что бѣдный старый король, въ ожиданіи весны, щелкалъ зубами, которые еще оставались у него.

— Подберезникъ, — сказалъ онъ одному изъ дворянъ, — слуга мой вѣрный! Выгляни на свѣтъ, не идетъ ли весна?

Подберезникъ покорно отвѣтилъ:

— Король и господинъ! Для меня еще время не наступило, до тѣхъ поръ, пока крапива не начнетъ зеленѣть подъ крестьянскимъ плетнемъ. А до того еще далеко!...

Покачалъ король головою, а черезъ минуту вновь сдѣлалъ знакъ рукою и проговорилъ:

— Синичка! Можетъ-быть, ты выглянешь?

Но Синичкѣ не хотѣлось выставлять на морозъ носа. И она тогда отвѣтила:

— Король и господинъ! Не настала еще моя пора, до тѣхъ поръ, пока трясогузка не зачирикаетъ. А до того еще далеко!...

Король помолчалъ немного, но такъ какъ холодъ очень сильно допекалъ его, то снова заговорилъ:

— Божья Коровка, слуга мой! Можетъ-быть, ты выглянешь?

Но и Божьей Коровкѣ тоже не хотѣлось выходить на морозъ и вьюгу. И онъ поклонился и отвѣтилъ:

— Король и господинъ! И мнѣ пора не наступила, пока подъ засохшимъ листкомъ не пробудится мушка. А до того еще очень далеко!...

Король опустилъ голову на грудь и вздохнулъ, да такъ, что отъ этого вздоха поднялся снѣжный туманъ и съ минуту въ гротѣ ничего не было видно.

Прошла недѣля, прошли двѣ недѣли, но однажды утромъ сдѣлалось какъ-то особенно ясно, а съ ледяныхъ сосулекъ на королевской бородѣ начала капать вода.

Въ волосахъ его снѣгъ тоже началъ таять, а иней опадать съ королевскихъ бровей, и замерзшія капли, висящія на усахъ, сплывали, словно слезы.

Иней тотчасъ же сталъ опадать со стѣнъ, а ледъ на нихъ трескался съ такимъ грохотомъ, какъ при пробужденіи Вислы. Въ комнатѣ образовалась такая сырость, что всѣ дворяне, съ королемъ вмѣстѣ, чихали, словно изъ пушки.

А нужно знать, что носы у гномовъ не маленькіе.

Самъ-то народъ не рослый: когда гномъ увидитъ крестьянскій сапогъ, то остановится, разинетъ ротъ и дивится, все думаетъ, что это ратуша. А когда влѣзетъ въ куриный садокъ, то спрашиваетъ: «что это за городъ такой, и какъ тутъ добратся до заставы?» А если свалится въ большую кружку, то пищитъ: «Крауль! Я тону въ колодезь!»

Вотъ какая они мелочь!...

А носы у нихъ на славу, такъ что любому органисту лучшаго не нужно, для того, чтобы табакъ нюхать. И вотъ они всѣ чихаютъ, такъ что земля трясется, и желаютъ добраго здоровья королю и другъ другу.

Ѣхаль въ это время мужикъ въ лѣсъ за дровами, услыхалъ это чиханье и сказалъ:

— Ого, гремитъ! Сломала себѣ зима шею! (Онъ подумалъ, что это весенній громъ). Мужикъ тотчасъ же повернулъ лошадь къ корчмѣ, чтобъ не тратить денегъ понапрасну на дрова, и просидѣлъ тамъ до вечера, разсчитывая и раздумывая, что и когда ему дѣлать, чтобы на все хватило времени.

Тѣмъ временемъ оттепель благополучно продолжалась. Къ полу дню у всѣхъ гномовъ оттаяли усы.

Тогда они начали держать совѣтъ, кого бы имъ выслать на землю, убѣдиться, дѣйствительно ли наступила весна.

Но король Огонекъ стукнулъ своимъ золотымъ скипетромъ и сказалъ:

— Нашъ ученый лѣтописецъ Чепухинскій-Вздорный отправится посмотреть, пришла ли весна.

— Мудро королевское слово! — закричали гномы, и всѣ очи обратились на ученаго Чепухинскаго-Вздорнаго.

Тотъ, по обыкновенію, сидѣлъ надъ огромной книгою, въ которую записывалъ все, что съ древнѣйшихъ временъ случилось въ государствѣ гномовъ, — откуда они взялись, какіе у нихъ были короли, какія войны они вели, и съ какимъ успѣхомъ.

Что онъ видѣлъ, что слышалъ, то записывалъ вѣрно, а чего не видалъ и не слышалъ, то выдумывалъ такъ превосходно, что при чтеніи этой книги сердца у всѣхъ преисполнялись радостью.

Онъ первый доказалъ, что гномы, не болѣе пяти вышиною, собственно говоря, гиганты, которые нарочно скрючиваются, чтобы у нихъ меньше выходило сукна на кафтаны и плащи, потому что теперь все стало дорого.

Гномы такъ гордились своимъ лѣтописцемъ, что если кто найдетъ какую-нибудь травку, то сейчасъ же сплететъ вѣнецъ и возложить ему на главу. Эти вѣнцы вытерли остатки его рѣдкихъ волосъ, и его голова была гола, словно колѣно.

II.

Чепухинскій-Вздорный тотчасъ же началъ собираться въ экспедицію. Сдѣлалъ онъ себѣ цѣлый штофъ самыхъ черныхъ чернилъ, потомъ очинилъ большое гусиное перо, которое, по милости его тяжести, долженъ былъ нести на плечѣ, на подобіе карабина; приторочилъ къ спинѣ свои огромныя книги, подпоясалъ плащъ ремнемъ, на голову надѣлъ капюшонъ, на ноги лапти.

закурилъ длинную трубку и предсталъ совсѣмъ готовый въ дорогу.

Вѣрные товарищи трогательно начали прощаться съ ученымъ Чепухинскимъ, опасаясь, не встрѣтитъ ли его на землѣ какое-нибудь опасное приключеніе, да и вообще, увидятъ ли они когда-нибудь его вновь.

Самъ милостивый король Огонекъ съ минуту продержалъ его въ своихъ объятіяхъ, потому что очень цѣнилъ Чепухинскаго. Вздорнаго за его ученость, но двинуться съ мѣста не могъ, его платье совсѣмъ примерзло къ трону.

Съ высоты своего величія онъ только простеръ свой скипетръ надъ ученымъ мужемъ, а когда тотъ цѣловалъ королевскую длань, по королевскому лицу скатилось нѣсколько свѣтлыхъ жемчужинъ и со стукомъ упали на кристальный полъ. То были замерзшія слезы добраго короля. Казнохранитель государства, Грошикъ, тотчасъ же подобралъ ихъ и, вложивъ въ драгоценную шкатулку, отнесъ въ казначеище.

Ученый Чепухинскій возился цѣлый день, прежде чѣмъ вышелъ изъ грота на землю. Дорога была крутая, переплетенная корнями вѣковыхъ дубовъ; обломки скалы, щебень и камешки вырывались изъ-подъ его ногъ и съ глухимъ шумомъ летѣли куда-то на дно пропасти; замерзшіе водопады свѣтились, какъ глыбы льда. Ученый путешественникъ скользилъ по ихъ поверхности въ своихъ лаптяхъ и только съ величайшими усиліями могъ подниматься кверху.

Къ довершенію несчастія, онъ не захватилъ съ собою никакого подкрѣпленія; таща огромныя книги, большую чернильницу и большое перо, онъ уже не могъ нести ничего другого.

Чепухинскій-Вадорный совсѣмъ бы лишился силъ, если бы не напалъ на хозяйственный домъ нѣкоего предусмотрительнаго хомяка.

Хомякъ обладалъ полнымъ амбаромъ разнаго зерна и буковыхъ орѣшковъ, и не только кое-что удѣлилъ проголодавшемуся путнику, но даже позволилъ ему отдохнуть на сѣнѣ, которымъ былъ устланъ весь его домъ, съ условіемъ, чтобъ объ этомъ не узнали въ деревнѣ.

— Тамъ, — пояснилъ онъ, — такіе озорники мальчишки, что если бы узнали обо мнѣ, то я ни на минуту не зналъ бы покоя.

Чепухинскій-Вздорный съ признательностью покинулъ домъ гостепріимнаго хомяка.

Теперь онъ шелъ веселый и радостный, поглядывая изъ-подъ темнаго капюшона на мужицкія поля, на луга и на лѣса. Показывалась уже щетка молодыхъ хлѣббовъ и неудержимо рвалась на поверхность земли; уже молодая травка начала выглядывать околю влажныхъ ямокъ; уже надъ полнымъ ручьемъ закрались вѣтки лозины, а въ тихомъ, мглистомъ воздухѣ были слышны крики журавлей, летящихъ гдѣ-то высоко, высоко.

Всякій другой гномъ по этимъ признакамъ понялъ бы, что весна уже близко, но Чепухинскій-Вздорный съ молодыхъ лѣтъ былъ такъ погруженъ въ свои книги, что кромѣ нихъ не видалъ ничего въ свѣтѣ, и ни въ чемъ не понималъ рѣшительно никакого толку.

Но и у него въ сѣрдцѣ была такая непонятная радость, такая бодрость, что онъ ни съ того, ни съ сего началъ размахивать своимъ перомъ и напѣвать извѣстную старинную пѣсню:

. . . . Всѣ печали по затылку
Ставь на столъ еще бутылку...

Но не успѣлъ онъ пропѣть и половины куплета, какъ вдругъ слышалъ стрекотанье стайки воробьевъ на плетнѣ, огораживающемъ поле. Онъ сразу оборвалъ свою пѣсенку, что бы не браться со всякою дрянью, наморщилъ чело и пошелъ впередъ. дабы эта голытьба вѣдала, что будучи ученымъ мужемъ, онъ не станетъ водить компаній съ какими-нибудь воробьями.

А такъ какъ и деревня была уже на виду, то онъ сошелъ на межу, гдѣ будылки прошлогодняго бурьяна почти совсѣмъ скрыли его, и незамѣченный никѣмъ, дошелъ до первой избушки.

Деревня была большая, широко раскинувшаяся среди пока еще почернѣвшихъ и безлиственныхъ садовъ, а послѣднія жилища почти совсѣмъ подходили къ темной стѣнѣ густаго сосноваго лѣса.

Хаты были зажиточныя, свѣже-выбѣленные, изъ трубъ вылеталъ синій дымъ, на дворахъ скрипѣли колодезные журавли, работ-

ники поили коней и мычащих коровъ, а кучки дѣтей съ шумомъ играли на обсаженной тополями дорогъ.

Но надо всѣмъ этимъ царилъ стукъ молота и лязгъ желѣза въ сосѣдней кузницѣ, передъ которой стояла кучка причитающихъ бабъ. Завидѣвъ ихъ, Чепухинскій-Вздорный началъ осторожно прокрадываться вдоль плетня, остановился за кустомъ терновника и сталъ прислушиваться.

— Ахъ, злодѣй, ахъ разбойникъ! — говорила одна баба. — Если онъ уже къ кузнецу въ курятникъ пробраться не побоялся, то отъ него никакой курицы не спрячешь.

— Курица! — воскликнула другая. — То не курица была, а золото! Изю дня въ день несла яйца, да какія! въ мой кулакъ. Во всей деревнѣ другой такой нѣтъ.

Послышался еще чей-то голосъ:

— А моего пѣтуха кто задушилъ? Не его это дѣльце? Какъ я только увидала растрепанныя перья, такъ съ горя чуть съ ногъ не свалилась. Пяти злотыхъ не взяла бы за него.

Первая перебила ее:

— А что за предатель, что за палачъ! А какая сила у него въ когтяхъ! Если бъ вы видѣли, какую онъ яму вырылъ подъ курятникомъ. Мужикъ и лопатой лучше не сдѣлаетъ. И никакого средства нѣтъ противъ этого разбойника!

Въ это время изъ кузницы выбѣжала кузничиха, безъ кафтана, и, не обращая вниманія на холодъ, остановилась у порога, приложила къ глазамъ фартукъ и съ громкимъ плачемъ заголосила:

— Хохлаточки вы мои милыя! Пѣтушки вы мои золотистые! Что я теперь безъ васъ дѣлать буду, сирота я несчастная!...

Чепухинскій-Вздорный дивился этому горю, прислушиваясь то однимъ ухомъ, то другимъ, потому что никакъ не могъ сразу понять, въ чемъ заключалось дѣло. Но вдругъ онъ щелкнулъ себя пальцемъ по лбу, потомъ усѣлся подъ плетнемъ среди бурьяна, откупорилъ чернильницу, омочилъ въ ней перо, и, открывъ свою огромную книгу, началъ заносить въ нее такія слова:

... «На второй день моего путешествія я зашелъ въ несчастную страну, на которую напали татары, избили, передушили,

или увели въ плѣнъ всѣхъ куръ и пѣтуховъ. Вслѣдствіе этого кузнецъ куетъ мечи для предстоящей битвы, а передъ кузницей раздается плачь и ропотъ».

Онъ еще дописывалъ эти слова, когда на порогъ кузницы показался кузнецъ и гаркнулъ басомъ:

— Развѣ хныканья вамъ помогутъ? Тутъ нужно взять горшокъ съ угольями и выкурить этого негодяя изъ логовища дымомъ. Извѣстная вещь, что лисъ сидитъ въ ямѣ подъ лѣсомъ. Ясекъ, поскорѣе! Стахъ, чтобъ одна нога здѣсь, другая тамъ! — собрать ребятишекъ и съ лопатами на него. А ты, мать, не плачь, а только горшокъ съ угольями готовь. Я и самъ пошелъ бы, да работа спѣшная.

И онъ тотчасъ же съ порога возвратился въ кузницу, и лязгъ желѣза послышался снова.

Но двое кузнечать, покинувъ мѣхи, бѣжали по деревнѣ и кричали: на лиса! на лиса!

Потомъ и бабы потянули къ хатамъ снаряжать экспедицію.

Тогда, внимательный ко всему, Чепухинскій-Вздорный, снова омочилъ въ чернильницу свое перо и вписалъ въ книгу слѣдующія слова:

«Надъ татарами царить неустрашимый вождь и ханъ, который именуется Великимъ Лисомъ, а скрывается онъ въ лѣсныхъ норахъ, откуда мѣстное населеніе намѣревается выкурить его пушечнымъ дымомъ».

Едва ученый лѣтописецъ успѣлъ записать это, какъ до него долетѣли отголоски ужаснѣйшаго шума. Смотритъ онъ, а на него валитъ громада бабъ, дѣтей и подростковъ съ лопатами, съ палками, съ горшками, а за толпою, подвизгивая, скачутъ разные «Жучки» и «Хватаи». Еще разъ Чепухинскій-Вздорный омочилъ перо и приписалъ къ своей хроникѣ слѣдующее:

«Въ этой странѣ на войну съ татарами ходятъ не мужики, а бабы, мальчишки и подростки; во время марша на непріятеля войско это учиняетъ страшный шумъ, бѣгомъ стремясь вдоль деревни. а за главною арміею полчище остервенѣлыхъ псовъ своимъ лаемъ придаютъ ей еще большее мужество для предстоящаго боя».

Сіе видѣлъ собственными очами и скрѣпляю собственной подписью.

«Тутъ онъ наклонилъ голову, прижмурилъ лѣвый глазъ и, подписавъ съ краю листа: «Чепухинскій-Вздорный, Придворный Историкъ Его Величества Короля Огонька», — украсилъ это широкимъ и искуснымъ росчеркомъ.

Тѣмъ временемъ съ другой стороны плетня до него долетѣлъ дымокъ мозжевельника, который въ особенности милъ гномамъ. Потянулъ, вдохнулъ его Чепухинскій-Вздорный своимъ огромнымъ носомъ разъ, потянулъ другой, и, раздвинувъ хворостъ, началъ смотрѣть, откуда выходитъ этотъ дымокъ. И вотъ, у лѣса онъ увидалъ синій, выющийся шнурокъ, а когда хорошенько протеръ очки, то различилъ въ полѣ небольшой костеръ и пастуховъ, сидящихъ вокругъ него.

Добрый гномъ страшно любилъ дѣтей; онъ пустился къ костру напрямикъ паровымъ полемъ, направляясь прямо на этотъ дымокъ и потѣшно перескакивая черезъ борозды.

Пастушонки удивились, увидавъ маленькаго человѣчка въ дорожной одеждѣ, подпоясанной ремнемъ, съ капюшономъ, съ книгой подъ мышкою и съ перомъ на плечѣ.

Юзикъ Срокачъ тотчасъ же толкнулъ въ бокъ Стаха Шафарчика и, показывая пальцемъ на этого человѣка, щепнулъ:

— Гномъ!

А Чепухинскій-Вздорный былъ уже близко и ласково улыбался дѣтямъ, кивая головой.

Дѣти широко раскрыли ротъ и съ любопытствомъ всматривались въ него. Они ничуть не испугались, ихъ только охватило внезапное удивленіе. Они не боялись, потому что хорошо знали, что гномы никому вреда не дѣлають, а бѣднымъ сиротамъ такъ и помогаютъ даже. И вотъ Стахъ Шафарчикъ сейчасъ же вспомнилъ, что когда прошлую весною его телята забѣжали въ лѣсъ, то вотъ этакій малюсенькій человѣчекъ помогъ ему отыскать ихъ и загнать на пастбище. Онъ еще погладилъ его по головѣ, насыпалъ въ шапку земляники и сказалъ:

— Не бойся! На вотъ тебѣ, сирота.

Тѣмъ временемъ Чепухинскій-Вздорный подошелъ къ костру, вынулъ трубку изо рта и вѣжливо сказалъ:

— Здравствуйте, дѣти!

Пастушенки важно отвѣтили на это:

— Здравствуйте, господинъ гномъ!

Только дѣвчонки прижались другъ къ другу, натянули платки такъ низко, что изъ-за нихъ едва виднѣлись концы ихъ носовъ и, вытаращивъ глаза, смотрѣли на гостя голубыми глазами.

Чепухинскій-Вздорный съ улыбкой посмотрѣлъ на нихъ и спросилъ:

— Можно погрѣться у вашего костра? Очень холодно!

— Конечно, можно, — рѣшительно отвѣтилъ Яська Кшеменецъ.

— Мы не скряги какіе-нибудь! — добавилъ Шафарчикъ.

А Яська Срокачъ еще сказалъ:

— Садитесь, господинъ гномъ. На почетное мѣсто.

И онъ подобралъ полы сѣраго кафтана, давая гостю мѣсто у костра.

— А когда картошки испекутся, то и покушать можете, если хотите, — гостепріимно промолвилъ Кубусъ.

Другіе тоже не молчали:

— Понятное дѣло! Того и гляди, какъ испекутся, — отъ нихъ ужъ духъ идетъ!

Сѣлъ тогда Чепухинскій-Вздорный и, ласково глядя на румяныя личики пастушонковъ, заговорилъ растроганнымъ голосомъ:

— Дѣтки вы мои милыя! Чѣмъ же я вамъ отплачу?